

Красильникова Екатерина Ивановна

ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ БАРНАУЛА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (КОНЕЦ 1919 – НАЧАЛО 1941 ГОДА)

Статья посвящена характеристике исторического некрополя Барнаула в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами. Цель состоит в определении специфики влияния культурных традиций и политики памяти государства на облик и состояние старых городских кладбищ. В статье определены и описаны кладбища Барнаула 1920-1930-х гг., выявлены имена погребенных на них выдающихся жителей города. Также характеризуются причины и процесс разрушения исторического некрополя. Автор впервые анализирует отношение жителей города к запустению и разрушению старых кладбищ и политический контекст этих процессов. На основе газетных, архивных и опубликованных мемуарных источников сделан вывод о стойкости культурных традиций, связанных с историческим некрополем, а также о политической обусловленности его разрушения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 109-113. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**CONTRACT FREEDOM PRINCIPLE FORMATION AND DEVELOPMENT
IN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY LAW**

Anna Andreevna Koreshkova
Department of Legal Disciplines
Baikal State University of Economics and Law
amiga1409@mail.ru

The author researches contract freedom principle formation and development in the German legal culture from the XIth-XIIth centuries till modern times, and analyzes the regulations of the German Civil Code as a codified act, which is based on the ideal of freedom that is, according to the creators' opinion, necessary for the proper functioning of private-law society, which members are entitled to regulate their relations independently, according to their own convictions, without the intervention of state and other third parties.

Key words and phrases: history of law; German contract law; principle of law; German Civil Code; freedom of contract.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена характеристике исторического некрополя Барнаула в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами. Цель состоит в определении специфики влияния культурных традиций и политики памяти государства на облик и состояние старых городских кладбищ. В статье определены и описаны кладбища Барнаула 1920-1930-х гг., выявлены имена погребенных на них выдающихся жителей города. Также характеризуются причины и процесс разрушения исторического некрополя. Автор впервые анализирует отношение жителей города к запустению и разрушению старых кладбищ и политический контекст этих процессов. На основе газетных, архивных и опубликованных мемуарных источников сделан вывод о стойкости культурных традиций, связанных с историческим некрополем, а также о политической обусловленности его разрушения.

Ключевые слова и фразы: исторический некрополь; кладбище; памятные места; политика памяти.

Екатерина Ивановна Красильникова, к. ист. н., доцент
Кафедра истории и политологии
Новосибирский государственный технический университет
katrina97@yandex.ru

**ИСТОРИЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ БАРНАУЛА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ И ПОЛИТИКА
ПАМЯТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (КОНЕЦ 1919 – НАЧАЛО 1941 ГОДА)[©]**

С историей Барнаула – административного центра Алтайского края – связаны судьбы многих выдающихся людей: промышленников, горных инженеров, ученых, предпринимателей, деятелей культуры. Изучение исторического некрополя этого города может открыть много забытых имен, значение которых велико и в патриотическом, и в научном аспектах. До сих пор местные краеведы характеризовали лишь в общих чертах дореволюционный некрополь Барнаула и ограничивались краткими заметками и справками по истории кладбищ этого города [1, с. 34-35, 103; 6; 9; 10, с. 42-46; 17, с. 178-181]. На наш взгляд, важно уделить более пристальное внимание истории барнаульского некрополя на этапе между Гражданской и Великой Отечественной войнами, когда были разрушены старинные погосты, а вместе с ними утрачена память о сотнях людей. В указанный период страна пережила колоссальный духовный надлом, резко изменилось отношение власти и общества к старым кладбищам и иным памятным местам. Автор статьи ставила перед собой ряд задач: во-первых: выяснить, какие именно кладбища существовали в Барнауле на этапе конца 1919 – первой половины 1941 г.; во-вторых, определить, в какой мере на этом этапе сохранялись дореволюционные традиции устройства городских кладбищ, привносились ли Советской властью традиции, ею изобретенные; в-третьих, объяснить, как осуществлялось влияние на состояние барнаульского некрополя социально-экономических контекстов и политики памяти государства.

Под некрополем мы понимаем сочетание захоронений (включая места, где уничтожены мемориальные памятники) и комплекса источников по истории формирования и существования кладбищ [22, с. 141]. Кладбища – это наиболее традиционные и актуальные для жителей провинциальных городов России памятные места; это – «узловые» элементы культурной топографии города, связанные с фиксацией, хранением и трансляцией коллективной памяти о значимых для сообщества персонах и событиях. Отдельные могилы неотделимы от локального и общенационального компонентов исторической памяти горожан, большинство же захоронений помогает закреплять и хранить коллективную память семей и других малых социальных групп.

После Гражданской войны в Барнауле продолжали функционировать два кладбища, открытых до революции. Нагорное (Предтеченское, Иоанно-Предтеченское) было основано в 1772 г. на крутом берегу Оби за пределами жилой застройки. Еще в 70-е гг. XIX в. священнослужители кладбищенской Иоанно-Предтеченской церкви, в обязанности которых входила забота о погосте, поделили его территорию на четыре разряда и определили стоимость погребений на каждом из участков. Элитный участок первого разряда располагался близ церкви. Здесь покоились самые богатые и известные барнаульцы. Две трети погребений приходились на участок четвертого разряда. Уже в 1870-х гг. на Нагорном кладбище ежегодно появлялось до 400 новых могил [3, д. 12, л. 6 - 6 об., 21-22]. На рубеже XIX и XX вв. Нагорное кладбище было признано городской думой переполненным, поэтому был отведен участок земли в конце Московского проспекта под Новое кладбище, известное в дальнейшем как Воздвиженское или Крестовоздвиженское (от названия построенной там в 1903 г. Крестовоздвиженской старообрядческой церкви).

На рубеже веков на барнаульских кладбищах появилось множество могил переселенцев из губерний Европейской России: Воронежской, Виленской, Вятской, Гродненской, Нижегородской, Полтавской, Самарской, Тамбовской, Тульской, Харьковской, Черниговской и др. Среди этих людей были дворяне и почетные граждане. На Воздвиженском кладбище хоронили преимущественно простой люд, а на Нагорном появлялись все новые могилы представителей интеллигенции, чиновников, почетных граждан, дворян и членов их семей. Однако существовали и исключения из правил. Так, в 1912 г. на Крестовоздвиженском кладбище был похоронен сын почетного гражданина В. В. Зудилова [2, д. 1955, л. 245 об.].

Вопрос о закрытии Нагорного кладбища и создании вместо него еще одного был серьезно поставлен в 1910 г. Старое кладбище плотным кольцом окружила городская застройка, кроме того, его территория подтоплялась Обью, случались обвалы земли у обрыва. Но, несмотря на трехкратное прошение барнаульцев об отводе земли под кладбище в новом месте, императорский Кабинет не дал согласия, ссылаясь на «неудобство» предлагавшихся барнаульцами под кладбище участков и собственную невыгоду [15, д. 1750, л. 7 - 7 об.]. Советская власть вернулась к данному вопросу только в 1931 г. [5, д. 256, л. 1 - 1 об.].

Нагорное кладбище вплоть до закрытия оставалось наиболее престижным. В начале 1920-х гг. именно здесь упокоились многие барнаульские революционеры и те, кто считались героями Гражданской войны. А во второй половине 20-х гг. там были похоронены такие выдающиеся люди: народный учитель И. Н. Лампицкая, работавшая в годы разрухи инструктором по детским домам, а позднее заведовавшая школой № 8 [18]; художник и педагог В. А. Худяшев [19]; «участница революционной борьбы», известная в городе как «Нюся Попова» [13] и др.

С 1928 г. в барнаульской ежедневной газете «Красный Алтай» стали появляться объявления о похоронах на новом, недавно открытом кладбище. Старинное Нагорное кладбище, как и Крестовоздвиженское, скоро официально закрыли. Но погребения здесь продолжались: появлялись свежие могилы старых большевиков и представителей партийной номенклатуры. Так, уже в 1930 г. на Нагорном кладбище был погребен В. Н. Тимугин – бывший командир партизанского отряда [12]. Барнаульцы стремились к формированию семейных некрополей, символически воссоединявших супругов и родственников после кончины. Скорее всего, жители города не ожидали, что официально закрытые кладбища так скоро будут подвергнуты полному уничтожению.

В изучаемый нами период кладбища по дореволюционной традиции делились, исходя из религиозного принципа, на обособленные части. Самыми большими из них оставались православные. В 1920-х гг. сохранилось традиционное ранжирование могил по «разрядам», во многом отвечал традиции и внешний облик кладбищ. В Барнауле еще сохранялось множество старинных надгробий из резного камня и металла, а также бесчисленные деревянные кресты, предпочтение которым многие отдавали и в межвоенные годы. Для верующих кладбище оставалось святым местом. В православной традиции крест в качестве надгробного знака напоминает живым о неизбежности смерти и бренности земной жизни, вечности мироздания и бессмертия души, о добродетелях и заслугах усопшего, необходимости молиться за него [16, с. 95]. Крест так многозначен и ценен для христиан, что многие не могли отказаться от этой формы надгробия, как и от отпевания упокоившихся. Нововведением советского времени стали могильные памятники в виде пирамидок, увенчанных пятиконечными звездами. Эта форма надгробия, символически противостоявшая христианскому пониманию смерти, была связана с художественными традициями классицизма революционной Франции и гражданским отношением к погребальной атрибутике.

Перед отступлением Белой армии в конце 1919 г. барнаульские кладбища стали местами массовых расстрелов. Зимой 1919-1920 гг. здесь оставались брошенными под открытым небом многочисленные трупы, которые было необходимо «ликвидировать» до наступления весны. Однако в апреле пресса фиксировала наличие на Крестовоздвиженском кладбище «открытой» могилы, где лежало несколько трупов. Газета сообщала, что на мертвые тела посягают птицы и собаки, а местные жители, хотя и знают о сложившейся ситуации, не пытаются самостоятельно засыпать могилу землей [11]. Во время Гражданской войны у жителей сибирских городов изменилось отношение к смерти и погребению (смерть постоянно «преследовала» обывателя, а похороны часто превращались в «ликвидацию куч трупов», лишённую духовной составляющей). Горожане обнищали и уже не имели возможности устанавливать на могилах своих близких дорогие, искусно оформленные надгробия. Во время войны многие барнаульцы погибли, часть населения покинула город, остались без присмотра и многочисленные могилы. Кроме того, безусловно, военно-революционные потрясения вели к упадку морали. В результате страдали погосты и кладбища: участились случаи мародерства и дерзкого вандализма.

В ноябре 1931 г. горсовет Барнаула постановил окончательно закрыть оба старых кладбища ввиду их переполнения и невозможности расширения. Было также принято постановление об организации ряда субботников

для устройства на месте кладбищ садов и стадионов. Производить погребения умерших на старых кладбищах разрешалось до 1 августа 1932 г. К этому же дню планировалось огородить новое кладбище и произвести его разметку [5, д. 256, л. 1 - 1 об.]. Постановление горсовета явилось руководством к действию для разрушителей старых кладбищ. Уже через месяц директор Барнаульского краеведческого музея обратился с письмом в горкомхоз, где обращал внимание на безжалостное уничтожение памятников, «выдающихся свойствами материала, из которого они сделаны, и художественным отличием». Автор письма считал, что необходимо восстановить уже пострадавшие от разрушения памятники ученому и публицисту Н. М. Ядринцеву (медный бюст на гранитном основании), механику-изобретателю К. Д. Фролову (каменный памятник с двумя чугунными плитами), врачу Ф. В. Гоблеру (чугунная плита на кирпичной основе), французскому ученому Г. Л. Менье (крест из чугуна), общественному деятелю Т. С. Бурнашеву (чугунная плита на кирпичном основании), одному из основателей Общества любителей исследования Алтая Н. И. Журину (яшмовая глыба). Просил директор музея и о сохранении уникального памятника XVIII в. на могиле некоего Черницына, а также искусно изготовленного из темно-зеленой яшмы и розового кварца надгробия мальчика Матвеева. Сотрудники музея просили не только восстановить все эти памятники, но также зарегистрировать их и принять меры к их охране [4, д. 4, л. 27].

Судя по всему, это письмо осталось без ответа. Если даже ответ и существовал, вероятнее всего, горкомхоз отказал музею. По крайней мере, в аналогичной ситуации так было в Томске: в просьбе директора музея М. Б. Шатилова восстановить разрушенные надгробные памятники на бывшем кладбище мужского монастыря горкомхоз отказал с мотивацией отсутствия «исторической ценности» у данных объектов [8, с. 69]. Однако процесс разрушения исторического некрополя Барнаула все-таки затянулся. Отдельные разбитые надгробия, заросшие травой и кустарниками, еще долго оставались на своих местах. Атмосфера таинственности и умиротворения привлекала сюда детей и молодежь, которые на всю жизнь запомнили побитые гранитные и мраморные памятники.

Знакомство с мемуарами, где затронута тема старых кладбищ Барнаула, позволяет сделать вывод о том, что в сознании разрушителей погостов умершие переставали быть людьми. Могила уже не воспринималась в христианском смысле как «дом» усопшего человека. Был забыт и суеверный, восходящий к язычеству, страх перед местом покойника, которого потревожили живые. Не останавливали разрушителей ни соображения гигиены и санитарии, ни сочувствие к тем, для кого кладбища являлись местами, связанными с переживанием личного горя. Мемуаристы фиксируют крайний атеистический цинизм: «Когда копали озеро на территории нынешнего парка, вытаскивали гробы из ямы» [7, с. 259]. Далее в цитируемом тексте воспоминаний сказано, что извлеченные из земли «черепка и кости еще долго валялись на поверхности» [Там же, с. 260].

В 1935 г. дело дошло до устроенного городскими властями «вскрытия» склепов на Нагорном кладбище. Целью являлась «добыча» драгоценностей, принадлежавших когда-то умершим. Это, в сущности, мародерское мероприятие привлекло толпу зевак, которые помогали специальной комиссии сортировать «добытые для нужд государства» кольца, перстни, браслеты, кресты и даже золотые зубы. Очевидец данного события Г. А. Чайкин вспоминал: «Могилы так и оставались незакрытыми, а после ухода комиссии эту работу продолжила ребятня». Мальчишки вынимали из могил черепа и кости, которые потом валялись не только на кладбище, но и на улицах. «Поиски» драгоценностей на кладбище продолжались все лето 1935 г. [20, с. 289].

Важно понять, как реагировало на уничтожение кладбищ большинство населения Барнаула. Хотя нам не известны воспоминания о начале ликвидации кладбищ, все-таки сюжеты об уже разоренных погостах часто встречаются в опубликованных мемуарах. Очевидно, что закрытые кладбища оставались для многих горожан памятными местами. Некоторые из тех, кто в 30-50-е гг. были детьми, вспоминают, что взрослые водили их на старые кладбища, где семьи поминали своих близких. Делалось это, по всей видимости, «тихо». Страх перед репрессиями был причиной молчания несогласных с уничтожением святынь. В воспоминаниях жителей Барнаула часто фигурируют сюжеты о снятии крестов с церкви. Отмечается, что верующие не смели перечить, многие в толпе наблюдателей стояли, молча потупив головы, или тихо молились. Видимо, восприятие уничтожения кладбищ было похожим. Многие обыватели сомневались в нравственной возможности преобразования памятных мест в увеселительные. Это подтверждается и такими мемуарными текстами: «Парк Меланжевого комбината – это бывшее кладбище. В 1942 г. его открывали, и я туда пошел... Я знал, что там было кладбище, мне было интересно посмотреть. Там работала танцплощадка, играл духовой оркестр, но я пошел дальше. И вот я увидел могилки еще не заглаженные, не заасфальтированные. Пошел в сторону стадиона, а там большая куча каменных крестов. И я не понимал: вот здесь кресты, а там танцуют и веселятся» [7, с. 259].

Стремление в одночасье до основания уничтожить старые кладбища объясняется политикой памяти государства, крайне нетерпимо относившегося к памяти о «бывших» и классовых врагах. В 1930-е гг. лидеры государства идеологически ориентировались исключительно на будущие успехи развития страны. История воспринималась властью как «служанка идеологии», а живая коллективная память о предках – как препятствие к насаждению исторического нарратива сталинского периода. Даже «революционный» некрополь, формированию которого уделялось пристальное внимание в начале 1920-х гг., уже утратил идеологическую актуальность. Теперь и он безжалостно разрушался, поскольку носители власти считали, что несколько «правильно» сконструированных фигур памяти советских лидеров, усопших в последние годы (В. И. Ленин, С. М. Киров, Г. К. Орджоникидзе и пр.) заменят жителям провинциальных городов живую, а значит, изменчивую и несовершенную в идеологическом смысле, память о предках и местных героях.

В 1936 г. в «Красном Алтае» разместили серию статей, посвященных истории Барнаула. Одна из них носила название «Исторические могилы». В этой публикации приводился скудный список выдающихся людей, чьи останки были похоронены на Нагорном кладбище. В их числе: алтайский былиносказатель

Л. Г. Тупицын, народнический писатель и просветитель В. К. Штильке, краевед Н. С. Гуляев и уже упоминавшиеся нами Г. Л. Менье и Н. М. Ядринцев. В газете сообщалось о том, что лишь на могиле Менье чудом сохранился чугунный памятник в виде ажурного креста. Прочие надгробия уже были уничтожены. Местонахождение могил Ядринцева и Штильке указывалось ориентировочно, а о могиле Тупицына сообщалось как об утраченной. Показательно, что автор статьи не вспомнил ни одной «советской» могилы, перечислив лишь те, которые были широко известны и до революции [21].

Больше в довоенные годы печать не обращалась к теме могил выдающихся барнаульцев. Закрытое Нагорное кладбище в печати рассматривалось исключительно как будущий парк. В 1940 г. прошел конкурс проектов нового парка. Первую премию Барнаульский горисполком присудил художникам Казаринову и Баранскому. С наступлением строительного сезона рабочие приняли за реализацию этого проекта. «Алтайская правда» сообщала, что строительство идет с большим энтузиазмом, новый парк озеленяется сиренью, акациями и татарником, возводятся танцевальная площадка и летний театр [14]. Одновременно Воздвиженское кладбище было перестроено в парк культуры и отдыха Меланжевого комбината. Газета и словом не обмолвилась о том, что парки строятся на местах уничтоженных кладбищ.

Созданием парков «на костях» Советская власть бросала максималистский вызов традиции, всему прошлому страны и народа. Действительно, на первый взгляд, парк становился символическим антиподом заброшенного погоста. Кладбищенская религиозная эстетика и реальная бесхозность, установившиеся на погостах, отвращали разработчиков проектов социалистических городов, которые должны были создать на месте этого «позора» пространство, где воплощаются идеалы безупречной санитарии и культурного досуга без участия церкви.

Если погост должен был обращать мысли человека в вечность через переживание в памяти прошлого, то парк – к светлому будущему, уже частично наступившему здесь, в рукотворном оазисе советского города. Однако при внешнем различии, на наш взгляд, между парком и кладбищем существует глубинная символическая связь, быть может, слабо осознанная советскими архитекторами. Традиционно кладбище оформляется как цветущий сад, служащий напоминанием о трансцендентном и вечном христианском рае. Советский парк – это тоже, по сути, символ рая, но земного. Пространство сада, как кладбищенского, так и советского, ориентирует человека на совершенствование, которое необходимо для достижения рая, однако в первом случае речь идет о духовном росте, а во втором – о выполнении планов пятилеток. Таким образом, мы видим упрощение христианского культурного символа сада и его использование в идеологических целях.

Исторический некрополь Барнаула, представленный в межвоенный период главным образом Нагорным и Крестовоздвиженским кладбищами, как и большинство городских погостов Западной Сибири, был практически уничтожен к концу исследуемого периода. С одной стороны, разрушения намеренно инициировались властью. С другой стороны, уничтожению некрополя способствовал бытовой вандализм тех, для кого кладбища этого города не были связанными с живой коллективной памятью. На подобные проявления вандализма власть смотрела сквозь пальцы. Однако для тех, кто дорожил своей старой, дореволюционной барнаульской идентичностью, ассоциировавшейся с образами родных могил, кладбища и после разорения остались памятными местами. Даже «светлые» образы советских парков не смогли вытеснить из памяти барнаульцев образов утраченного городского некрополя.

Список литературы

1. Барнаул: летопись города. Барнаул: Силуэт-континент, 1994. Ч. 1. 224 с.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Д-144. Оп. 6.
3. ГААК. Ф. Д-219. Оп. 1.
4. ГААК. Ф. Р-288. Оп. 1.
5. ГААК. Ф. Р-312. Оп. 1.
6. Гришаев В. Ф. Барнаульский некрополь: к истории Нагорного кладбища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: АлтГУ, 1995. Вып. 5. Ч. 1. С. 171-177.
7. Дмитриева Л. М. Барнаул в сознании жителей города // Барнаул в воспоминаниях старожилов. XX в. Барнаул: АлтГУ, 2007. Ч. 2. С. 251-262.
8. История Томского краеведческого музея языком архива // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 3-177.
9. Котнев В. А. Материалы по истории Нагорного кладбища г. Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: АлтГУ, 1995. Вып. 5. Ч. 1. С. 178-185.
10. Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР: Алтайский край. М.: Бриз, 1990. 112 с.
11. Новоцкий. По городу // Красный Алтай. 1920. 25 апреля.
12. Объявление // Красный Алтай. 1928. 14 апреля.
13. Объявление // Красный Алтай. 1930. 1 декабря.
14. Премии авторам проекта Нагорного парка // Алтайская правда. 1940. 20 марта.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 27.
16. Святославский А. В. Традиция памяти в православии. М.: Древлехранилище, 2004. 244 с.
17. Уманский А. П. Памятники культуры Алтая. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1959. 252 с.
18. Учительница Лампицкая: некролог // Красный Алтай. 1927. 10 ноября.
19. Художник Худяшев: некролог // Красный Алтай. 1927. 21 августа.
20. Чайкин Г. А. Воспоминания // Барнаул в воспоминаниях старожилов. XX в. Барнаул: АлтГУ, 2005. Ч. 1. С. 284-296.
21. Шаронов С. Исторические могилы // Красный Алтай. 1936. 3 августа.
22. Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV-XVII вв.) // Культура памяти. М.: Древлехранилище, 2003. С. 141-187.

HISTORIC NECROPOLIS OF BARNAUL: CONTINUITY OF TRADITIONS AND POLICY OF MEMORY OF SOVIET POWER (THE END OF 1919 – THE BEGINNING OF 1941)

Ekaterina Ivanovna Krasil'nikova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Political Science
Novosibirsk State Technical University
katrina97@yandex.ru

The author presents the characteristics of the historic necropolis of Barnaul during the period between the Civil War and the Great Patriotic War, sets the goal to determine the specificity of cultural traditions and the state policy of memory influence on the appearance and state of the town old cemeteries, determines and describes the cemeteries of Barnaul in the 1920-1930s, reveals the names of the prominent townsmen buried there, also characterizes the reasons and process of the historic necropolis destruction, for the first time analyzes the townsmen's attitude to the desolation and destruction of old cemeteries and the political context of these processes, and basing on newspaper, archival and published memoir sources comes to the conclusion about the persistence of the cultural traditions associated with the historic necropolis, as well as the political conditionality of its destruction.

Key words and phrases: historic necropolis; cemetery; memorial places; policy of memory.

УДК 94

Исторические науки и археология

Объектом исследования является художественное оформление египетских гробниц Старого царства. Цель работы – выяснить назначение так называемых цилиндров фараона в композиции частной и царской скульптур. Путем сравнительного анализа иконографии скульптурных и рельефных изображений хозяина гробницы впервые доказано, что появление цилиндров в руках вельможи является следствием применения египетским мастером принципа намека. Их использование объясняется техническими проблемами: скульптору необходимо было показать весь атрибутивный набор в руках, но сделать это не в ущерб прочности своего изделия. Выяснено, что цилиндры в руках не только намекали на наличие необходимых атрибутов (посоха, жезла, лотоса или платка), но и генерировали их.

Ключевые слова и фразы: древний Египет; Старое царство; египетская гробница; египетская скульптура; «цилиндры фараона».

Фёдор Иванович Куликов, к. ист. н., доцент
Кафедра археологии и всеобщей истории
Горно-Алтайский государственный университет
fedkulikov@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИНЦИПА НАМЕКА В ЕГИПЕТСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ СТАРОГО ЦАРСТВА ©

Египетские гробницы Старого царства – времени строительства Великих пирамид – всегда были объектом пристального внимания как серьезных исследователей, так и любителей сенсаций. Если первые видели в гробнице уникальный в мировой истории источник информации о староегипетских реалиях, то вторые – кладёшь древних премудростей и прогнозов на будущее человечества, черпая из которого наш современник может найти ответ практически на любой мучающий его вопрос. Основное внимание традиционно привлекают статуи хозяина погребения в сердабах и настенные рельефы, описывающие его повседневную жизнь.

Пристальное внимание к египетской изобразительности объясняется, не в последнюю очередь, ее относительно неплохой сохранностью и реалистичностью, а также повествовательностью сюжета. Безусловно, плоскостный характер живописи, использование метода ортогональной проекции и знаковая стандартизация, когда, к примеру, кисти рук человека, держащего тяжело нагруженный поднос или свиток папируса, передаются одинаково, сильно отличают египетскую живопись от современной [5, с. 141-170]. Тем не менее, действия изображенных жрецов, работников на пашне, пастбище и ремесленных мастерских видятся нам настолько естественными и жизненными, что иное их толкование кажется надуманным. Исследователю, казалось бы, достаточно ограничиться комментированием отдельных сюжетов, обширных сцен и кратких надписей к ним.

Не стоит, однако, забывать, что почти весь египетский изобразительный материал времени Старого царства и даже более позднего времени обнаруживается в царских и частных гробницах, а значит должен быть каким-то образом изначально трансформирован в соответствии с их назначением – обеспечивать посмертное существование хозяина. Это замечание кажется естественным каждому археологу, работающему с материалом любого погребения. Однако применительно к Египту проблема представляется гораздо сложнее: в период Старого царства египтяне строили свои погребения не столько для своего тела, сколько для своего